Митрополит Волоколамский Иларион: Победа в войне 1812 года стала возможна благодаря тому, что сумели сплотиться все классы нашего общества

29 сентября 2012 года гостем программы «Церковь и мир», выходящей на телеканале «Россия 24», стал историк, писатель и телеведущий Ф.В. Разумовский. С ним беседовал председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, Феликс!

Ф.В. Разумовский: Здравствуйте, Владыка. Сегодня наша страна имеет уникальную возможность обратиться мыслью и памятью к событиям 1812 года. Мы размышляем об этих победах, о героях, о том, что тогда происходило, и вообще, об очень многом размышляем в связи с событиями 1812 года. В частности, есть такая тема, которую, насколько я понимаю, затрагивают редко: кем были наши противники, что они из себя представляли, в частности, в культурном и духовном плане?

Под знаменами Наполеона к нам пришла Европа. И что же мы видим? Как вела себя Великая армия в Москве? Мы видим, что ее солдаты творили совершенно невозможное кощунство и святотатство: грабили храмы, устраивали в них жилье и даже конюшни, на престолах и жертвенниках проводили какие-то пьяные оргии. А в Успенском соборе Кремля был поставлен плавильный горн, в котором переплавлялись сдираемые с икон, иконостаса серебряные ризы, отломанные куски саркофагов русских святителей. При этом на столпе записывалось количество серебра и золота. Я хочу здесь просто напомнить, что в Московский Кремль в тот момент допускалась только французская гвардия и там жил император Наполеон. Значит, просто на глазах у императора лучшая часть французского общества творила такие беззакония! Я уже не говорю о попытках взрыва всех московских святынь после ухода Наполеона из Москвы. Как можно себе это сегодня объяснить? Неужели этот мир, который пришел к нам с войной, ничего общего не имел с христианской культурой, с христианской цивилизацией, неужели это были совершенно другие люди?

Митрополит Иларион: Мне кажется, для того, чтобы понять мотивацию тех людей, мы должны обратиться, прежде всего, к опыту Французской революции. Революция надломила Францию, она стала водоразделом между историей старой, католической Франции и той новой историей,

которая, по сути дела, продолжается до сих пор. И хотя Наполеон в значительной степени, в политическом отношении, отошел от идеалов Французской революции, та идеология, на которой он был воспитан, в нем сохранялась.

Интересно его отношение вообще к религии – ведь Наполеон не испытывал к ней того воинствующего неприятия, которое было характерно для Французской революции, для ее основных деятелей. Его отношению был, скорее, свойственен прагматизм, то есть религия представлялась Наполеону полезной в том случае, если она помогала в достижении каких-то государственных целей.

Когда Наполеон шел в Россию, он мотивировал этот поход (как, впрочем, и все остальные свои военные походы) тем, что несет свободу и просвещение. Просвещение, понимаемое, прежде всего, в духе Французской революции. И это означало, по сути дела, отказ от религиозных идеалов, отказ от святынь и от должного к ним отношения.

Захватчики не воспринимали Россию как Святую Русь, не видели в наших православных храмах места поклонения Богу – все это воспринималось как объект разграбления, объект надругательства.

И вот здесь столкнулись две очень разные идеологии, потому что и наш народ, и наше дворянство, наши офицеры были верующими, даже если некоторые из них лучше говорили по-французски, чем по-русски, даже если некоторые из них были проникнуты идеями французской революции. В нашей народной душе сохранялась глубокая вера. И когда люди собирали ополчение против Наполеона, выступали в битву, они призывали помощь Божию и осознавали себя защитниками не только своих очагов, не только своего земного отечества, но и своих святынь.

Может быть, именно это и предопределило в конечном итоге поражение французов и победу русского оружия, потому что силой одного только оружия, одними военными силами было невозможно достичь такой победы.

Ф.В. Разумовский: Хочу напомнить, что когда русская армия в составе союзных сил вошла в Париж в марте 1814 года, ничего подобного во французской столице не было.

Митрополит Иларион: Никакого мародерства.

Ф.В. Разумовский: Более того: когда государь Александр I узнал, что роялисты (то есть французские монархисты) собираются сбросить с Вандомской колонны статую Наполеона, то он приставил караул, чтобы этого не произошло.

А сейчас, Владыка, я бы хотел обратиться к другому аспекту этой безграничной темы - темы войны 1812 года, и поговорить о том, что в этой критической ситуации в России появился национальный вождь. Я, конечно, имею в виду Михаила Илларионовича Кутузова. Несмотря на наличие армии, генералов, офицеров, требовалась фигура совершенно другого характера – был нужен не военный, не управленец, а человек, который мог бы объединить армию и народ и повести их на борьбу с завоевателем. Необходимость этой фигуры была совершенно понятна всем, и именно поэтому был назначен Кутузов. Как Вам кажется, нужен ли сегодня, если можно так выразиться, «институт национального вождя», или эта страница перевернута и, в общем, у нас сегодня совершенно другие заботы и ощущения?

Митрополит Иларион: Я думаю, что нет и не может быть «института национального вождя». Вождь или есть, или его нет. Эту фигуру невозможно институционализировать. Ведь если мы скажем: вот институт национального вождя – то мы будем должны подобрать на это место какую-то фигуру. Так не бывает. Эта фигура либо приходит, либо нет, либо появляется, либо нет. Это как пророки. Ведь невозможно сказать: «Нам нужен пророк, давайте сейчас где-то найдем человека и назовем его пророком». Пророк – это человек, которого Господь призывает в нужный момент. И я верю, что такие исторические личности, как Кутузов, – это люди, которых призывает именно Господь для спасения того или иного народа в тот или иной исторический момент.

Величайшая заслуга Кутузова состояла в том, что, в отличие от очень многих полководцев, от того же Наполеона, он достигал цели с наименьшими потерями. Для него было важно сохранить армию, сохранить людей, для него было важно, чтобы как можно меньше крови пролилось. Поэтому он позволил Наполеону войти в Москву. Для Наполеона это была красивая победа, которая досталась дорогой ценой. Но этот печальный лозунг «мы за ценой не постоим», который повторялся в другую уже Отечественную войну, в войну, которую помнят наши родители, наши бабушки и дедушки, не был характерен для Кутузова. То есть, когда для достижения той или иной политической цели, для завоевания того или иного города или рубежа имеется готовность использовать любые способы и пойти на любые потери, то возникает вопрос о нравственной ответственности полководца.

У Кутузова чувство нравственной ответственности было очень сильно. Таким же был Суворов, таким же был Ушаков. Это были люди, которые, прежде всего, заботились об отечестве, но не только как о территории, а как о населении, людях. И они берегли людей, и им удавалось добиваться выдающихся побед с минимальными потерями.

Но давайте вернемся к теме, которую Вы затронули, к теме национального вождя. Конечно, национальный вождь нужен. Он бывает необходим в какие-то моменты истории, как правило, в

переломные. От этого человека, от его нравственных качеств очень многое зависит. Иногда судьба целых народов зависела от одного человека. В этом – риск любого национального вождя, но в этом и тот вызов, который положение национального вождя ставит перед ним самим и перед его народом.

Ф.В. Разумовский: Я хочу напомнить, что удалось сделать с помощью Кутузова именно как вождя – ведь в тогдашней России, в тот момент, когда туда вошел Наполеон, было много проблем. Не нужно думать, что это было общество процветающее и свободное от всяких противоречий. И одно из противоречий имело для истории России просто роковое значение – это раскол, причем, раскол не классовый, как это пытались представить потом большевики, а культурный раскол между, как тогда говорили говорили, белой и черной костью, между мужиком и барином. И когда Великая армия только вторглась в пределы России, у многих крестьян появилось ощущение, что сейчас они получат свободу, что они изгонят из деревни помещиков и что начнется совершенно другая жизнь. Кстати, Наполеон хотел использовать эти настроения, но не решился. Так вот, в какой-то момент, мне кажется, именно с появлением Кутузова, этот раскол был забыт – по крайней мере, на время борьбы с врагом.

Митрополит Иларион: Но интересно, что именно в культурном отношении наш высший класс, наша аристократия были гораздо ближе к завоевателям, чем к народу. Ведь говорили даже между собой по-французски. Эта ситуация замечательно описана у Толстого в «Войне и мире». Читая эту книгу, мы ощущаем эту культурную пропасть между нашей франкоговорящей аристократией и простым народом. И в то же время, когда встает опасность для отечества, когда люди понимают, что они рискуют потерять свою Родину, эти культурные различия оказываются вторичными, а чувство причастности к общему делу защиты Родины и святынь становится превалирующим, главным. И я думаю, что эта великая победа в нашей первой Отечественной войне во многом стала возможна благодаря тому, что сумели сплотиться все классы нашего общества – и простой народ, говоривший по-русски, и аристократия, говорившая по-французски. Пожалуй, это и есть самый главный урок Отечественной войны 1812 года.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/53665/